

11
18

Александров Р.

Законъ и практика преданія суду.

Р.

I.

Актомъ преданія суду осуществляется тотъ моментъ въ ходѣ уголовного процесса, съ котораго начинается такъ называемое судебное производство по дѣлу, завершающееся судебнымъ приговоромъ.

Но актъ преданія суду въ то же время самъ является конечнымъ моментомъ до судебного производства, заключающагося въ актахъ предварительнаго слѣдствія.

Такое центральное положеніе акта преданія суду въ общемъ ходѣ процесса сообщаетъ ему чрезвычайно важное значеніе. Такое-же значеніе вмѣстѣ съ этимъ приобретаетъ и учрежденіе, коимъ осуществляется дѣятельность преданія суду.

Призванное для разсмотрѣнія правильности производства и полноты данныхъ предварительнаго слѣдствія, учрежденіе предающее суду (обвинительная камера) постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду лишь въ томъ случаѣ, когда признаетъ это юридически возможнымъ и когда данныя предварительнаго слѣдствія представляютъ къ тому достаточныя основанія, въ противномъ случаѣ оно уполномочено на прекращеніе преслѣдованія *безъ всякаго судебного производства по дѣлу.*

Само собою разумѣется, что осуществленіе такой широкой и властной дѣятельности обвинительной камеры не можетъ совершаться безъ всякихъ руководящихъ на-

В. П. Р. 1878 г.

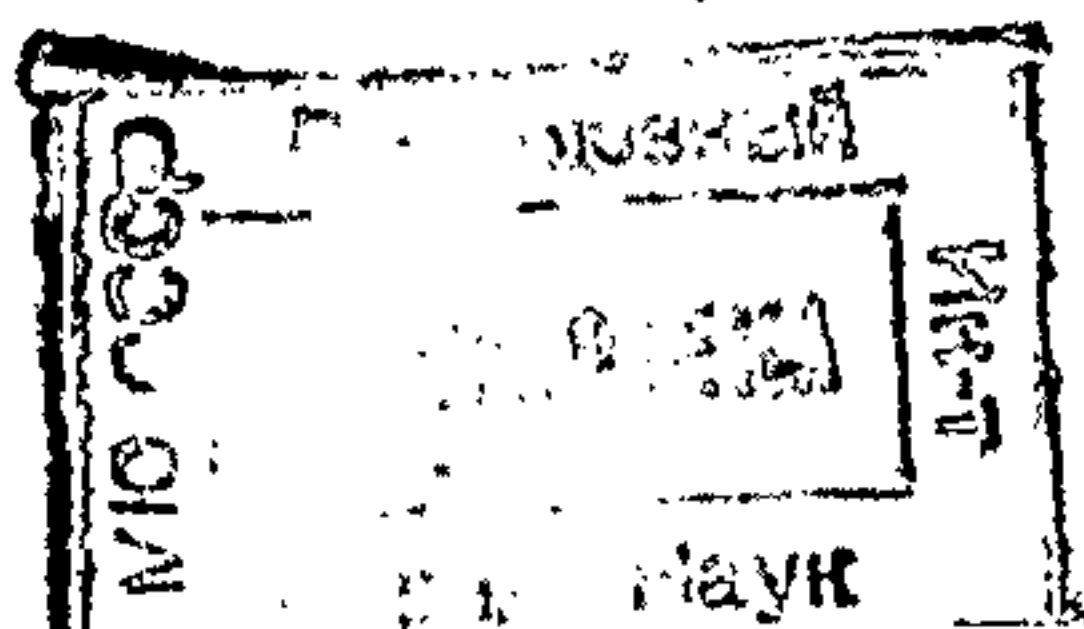
чалъ и правилъ. И дѣйствительно,—эти начала и правила сами собою вытекаютъ изъ существа общихъ и основныхъ требованій уголовного преслѣдованія. Уголовное преслѣдованіе должно быть прежде всего *законно*. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно имѣть подъ собою достаточныя основанія въ обстоятельствахъ дѣла.

Сообразно этимъ двумъ основнымъ требованіямъ уголовного преслѣдованія и вся область вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію камеры преданія суду, распадается на двѣ группы: одна—группа вопросовъ *юридической возможности преслѣдованія*, а другая вопросовъ *фактической изобличаемости* въ преступленіи. Обѣ эти группы безъ сомнѣнія коренятся въ данныхъ предварительнаго слѣдствія, надъ коимъ оперируетъ обвинительная камера. Но не смотря на одинаковость источника, каждая изъ нихъ имѣетъ свои особыя задачи и особыя руководящія начала и правила.

Что касается до группы вопросовъ *фактической изобличаемости*, то установленіе основныхъ началъ и руководящихъ правилъ для ихъ разрѣшенія не представляетъ особыхъ затрудненій. Самъ законодатель, въ своихъ объясненіяхъ къ установленнымъ имъ законамъ, эти начала и правила высказалъ съ тою опредѣлительностью, которая не оставляетъ желать большаго.

Въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ (т. II стр. 189 изд. Госуд. канц.) высказано: *«преданіе суду должно быть допускаемо только тогда, когда собранныя по дѣлу доказательства и улики представляютъ сильное вѣроятіе въ существованіи преступныхъ фактовъ и въ происхожденіи ихъ по вину подозреваемаго.»*

Въ этомъ указаніи законодателя нельзя не признать вполнѣ цѣльной и законченной теоріи преданія суду на основаніи данныхъ фактической изобличаемости. Устанавливая съ одной стороны, для дѣлъ наиболее важныхъ, особый органъ преданія суду, въ видѣ обвинительной камеры, съ другой, отмѣняя прежде существовавшую теорію формальныхъ доказательствъ, основные начала и

4*

1887?

требованія, вытекающія изъ существа этаго новаго порядка вещей, законодатель и не могъ высказаться съ большею подробностью, чѣмъ та, которая заключается въ проведенномъ указаніи. На обязанности практики лежитъ правильное усвоеніе этихъ общихъ указаній и примѣненіе ихъ въ дѣятельности.

Такимъ образомъ, если подозрѣніе въ виновности основывается не на предположеніи, а на фактахъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, если дѣйствительность этихъ фактовъ представляется по дѣлу доказанною, если совокупность ихъ представляетъ господство надъ фактами и данными, опровергающими подозрѣніе, если, по самому свойству своему, совокупность этихъ господствующихъ фактовъ и данныхъ относится къ обнаруженію непосредственной связи дѣйствій обвиняемаго съ приписываемымъ ему преступленіемъ, если наконецъ все это въ ясномъ сознаніи органа преданія суду сформировалось въ видѣ убѣжденія *въ сильной вѣроятности* виновности заподозрѣннаго, тогда преданіе суду будетъ самымъ полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ требованій той теоріи преданія суду, которая преподана законодателемъ въ видѣ выше приведеннаго положенія.

Едва ли нужно прибавлять, что прекращеніе преслѣдованія должно опираться на отсутствіи или недостаточности тѣхъ данныхъ, которыя правильно могли бы служить образованію убѣжденія *въ сильной вѣроятности* вины заподозрѣннаго.

Но если преданіемъ суду нисколько не предрѣшается исходъ дѣла, совершающійся судебнымъ приговоромъ, если не смотря на преданіе суду, судебное разсмотрѣніе дѣла можетъ привести къ полному оправданію подсудимаго, то не таково значеніе акта прекращенія преслѣдованія, когда онъ исходитъ отъ обвинительной камеры. Актомъ прекращенія преслѣдованія совершается весь дальнѣйшій ходъ дѣла. Онъ не подлежитъ отмѣнѣ даже въ кассационномъ порядкѣ, онъ есть окончательный. Въ актѣ прекращенія преслѣдованія преимущественно выра-

жается верховное право обвинительной камеры. (К. Р. 67 г. № 60. Суд. Уст. изд. Госуд. канц. т. II стр. 197).

Приведенныя положенія о характерѣ и юридическомъ значеніи актовъ, исходящихъ изъ верховнаго права обвинительной камеры, не должны бы, кажется, вызывать никакихъ недоразумѣній и практическихъ неудобствъ. Преподаваемая законодателемъ теорія преданія суду является тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ практическая дѣятельность всегда можетъ найти для себя твердую опору и руководство, чтобы устоять на высотахъ своего назначенія.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, не сущность и вся полнота основныхъ началъ ученія о преданіи суду, на основаніи данныхъ фактической изобличаемости, можетъ низвести практику до несоотвѣтствія съ принципами, изъ-за охраненія коихъ и создана камера преданія суду, а недостаточное усвоеніе этой сущности и сопряженная съ этимъ односторонность. И въ самомъ дѣлѣ, — достаточно остановиться напримѣръ только на томъ юридическомъ значеніи актовъ прекращенія преслѣдованія, по которому они являются окончательными, чтобы, подъ вліяніемъ узкаго пониманія практическаго значенія правосудія вообще, создать совершенно иную точку отправленія для требованій отъ дѣятельности преданія суду.

Преданіе суду не предрѣшаетъ осужденія. Неправильно преданный суду (на основаніи данныхъ фактической изобличаемости) будетъ оправданъ окончательнымъ судебнымъ приговоромъ; его имя и честь возстанавятся съ того самаго момента, когда будетъ произнесено торжественное и великое: «невиновень».

Прекращеніе же преслѣдованія, будучи *окончательнымъ*, не влечетъ за собою никакой повѣрки; неправильно освобожденный отъ преслѣдованія не несетъ на себѣ кары правосудія и, несмотря на содѣянное преступленіе, остается въ обществѣ, которое, по необходимости, должно терпѣть такого члена, рискуя подвергнуться новымъ посягательствамъ непризнаннаго преступника. И все это

происходитъ только отъ того, что опредѣленія о прекращеніи преслѣдованія суть окончательныя. Закона измѣнить нельзя, но обойти можно. Борьба противъ окончательности (если можно такъ выразиться) опредѣленій о прекращеніи преслѣдованія, подъ вліяніемъ указаннаго пониманія практическихъ послѣдствій такого юридическаго значенія этихъ опредѣленій, въ самой же практикѣ и создала совершенно новое и самобытное ученіе о преданіи суду. Сущность этого ученія сводится къ положенію *о наименьшей требовательности* данныхъ для преданія суду и соотвѣтственно сему возможно большее ограниченіе случаевъ прекращенія преслѣдованія.

Практическія послѣдствія этого опаснаго ученія мы видимъ на каждомъ шагу. Не оно ли въ своей долѣ способствовало образованію мнѣнія о неудовлетворительности суда присяжныхъ, вслѣдствіе ихъ склонности къ оправдательнымъ приговорамъ? Но для насъ важна не эта сторона разсматриваемаго ученія, а самыя основы, на коихъ это ученіе зиждется.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, прежде всего, указать, что положеніе о наименьшей требовательности данныхъ для преданія суду ни само въ себѣ, ни въ условіяхъ, въ которыя оно поставлено, не заключаетъ ничего опредѣленнаго. По существу разсматриваемаго ученія, нѣтъ никакой возможности отыскать и установить тотъ предѣлъ, за которымъ наименьшая требовательность данныхъ для преданія суду перестаетъ оставаться на почвѣ разсматриваемаго ученія. „*Наименьшая требовательность*“, постановленная въ видѣ безусловнаго положенія и опирающаяся на предвидѣніе оправданія невиновнаго, едва ли исключаетъ возможность преданія суду даже на основаніи одного факта состоянія подъ слѣдствіемъ. Возможность подобнаго примѣненія положенія о «наименьшей требовательности» находитъ себѣ подтвержденіе въ случаѣ изъ судебной практики.

Въ 1866 году двое подсудимыхъ были преданы Палатою суду за грабежъ не на основаніи данныхъ, добытыхъ

предварительнымъ слѣдствіемъ, а на томъ основаніи, что «при судебномъ слѣдствіи нѣкоторыя обстоятельства *по всей вѣроятности* получаютъ другой видъ и послужать къ «уликѣ обвиняемыхъ». Правда, Прав. Сенатъ отмѣнилъ не только приговоръ суда, но и самое преданіе суду (К. Р. 1866 г. № 78). Иначе, конечно, и быть не могло. Но для насъ этотъ случай важенъ въ томъ именно отношеніи, что въ немъ во всей полнотѣ выразилась вся несостоятельность разсматриваемаго ученія, такъ какъ, несмотря на преданіе суду при указанныхъ обстоятельствахъ, подсудимые были осуждены и такимъ образомъ предвидѣніе объ оправданіи, составляющее основу разсматриваемаго ученія, въ данномъ случаѣ оказалась весьма рискованнымъ. Нечего, конечно, говорить, что осужденіе судебнымъ приговоромъ такихъ обвиняемыхъ, которые преданы суду не на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, а на основаніи *предположенія* о возможности обнаруженія ихъ на судѣ, далеко не соответствуетъ интересамъ правосудія, вовсе ненуждающагося въ жертвахъ стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, вездѣ и всегда возможныхъ. Разсматриваемое ученіе и при условіи осуществимости предвидѣнія оправданія, тамъ гдѣ оно нужно, ничего не выигрываетъ. Обрядъ преданія суду не пустая формальность. Онъ установленъ въ видахъ обезпеченія правильности судебного преслѣдованія.

Для интересовъ гражданской свободы важно не одно оправданіе невиннаго по судебному приговору, но и обезпеченіе отъ неправильнаго и неосновательнаго привлеченія къ суду. Основательное и чуждое всякихъ увлеченій и односторонности, преданіе суду важно и для успѣшнаго хода правосудія вообще, такъ какъ имъ обезпечивается довѣріе и уваженіе къ суду, ограждающему общественный порядокъ. Законодатель, устанавливая обрядъ преданія суду, сообщилъ ему именно такое назначеніе. Въ этомъ мѣстѣ нельзя не провести знаменательныхъ мыслей законодателя, высказанныхъ имъ по поводу на-

значенія обвинительной камеры, какъ одного изъ органовъ охраненія общественнаго порядка. «Далеко не всѣ, отдають себѣ ясный отчетъ, въ чемъ означенное установленіе должно ограждать общественный порядокъ. Многіе думаютъ, что для этого достаточно, чтобы оно не оказывало «послабленія и потворства обвиняемымъ и предавало «подозрительныхъ лицъ суду, не взирая на ихъ званіе, «чины и личные преимущества. Конечно это необходимо; «но столь же необходимо и то, чтобы преслѣдованія, «предпринимаемыя во имя правосудія, не приводили къ «оправданіямъ, которыя колеблютъ довѣріе и уваженіе «къ власти, преслѣдовавшей невинныхъ или почитаемыхъ «невинными. Хотя обвиненіе передъ судомъ не всегда «можетъ имѣть основаніемъ достовѣрность, которая не «достигается иногда и по истощеніи всѣхъ средствъ, «представляемыхъ къ открытію истины судебнымъ со- «стязаніемъ сторонъ, тѣмъ не менѣе каждое дѣйствіе пра- «восудія должно носить на себѣ отпечатокъ *добросовѣст- «ныхъ изысканій и зрѣлаго соображенія*. Поэтому и въ ви- «дахъ общественнаго порядка обвиненіе передъ судомъ «слѣдуетъ допускать лишь тогда, когда можно съ вѣро- «ятностью предвидѣть осужденіе и наказаніе». (Изд. Го- суд. канц. стр. 189). Такимъ образомъ, добавимъ мы, въ интересахъ охраненія задачъ и назначенія обвинитель- ной камеры представляется необходимымъ не уменьше- ніе требованій для преданія суду, а увеличеніе ихъ на- столько, на сколько это необходимо, при *условіи добро- совѣстныхъ изысканій и зрѣлаго соображенія*, для изобрѣте- нія убѣжденія *въ сильной вѣроятности* вины заподозрѣн- наго. Очевидно, что то ученіе, о которомъ мы говорили выше и которое находитъ себѣ практическое примѣне- ніе въ виду приведенныхъ указаній законодательствъ, подрываетъ самыя основы существа и назначеніе обря- да преданія суду. Но это только одна сторона несостоя- тельности разсматриваемаго ученія. Другая сторона за- ключается въ томъ, что защитники ученія о «наимень- шей требовательности» въ сущности забываютъ, что

оправдательный приговоръ по закону есть окончательный. Оправданный судебнымъ приговоромъ не можетъ быть привлеченъ къ суду по тому же дѣлу, хотя бы впослѣдствіи и открылись обстоятельствова его изобличающія (ст. 21 Уг. У. О.). По этому, увлекаясь ученіемъ о наименьшихъ требованіяхъ, основывая его будто бы на интересахъ правосудія, защитники этого ученія идутъ прямо противъ интересовъ правосудія вообще и уголовного преслѣдованія въ частности, ибо, забывъ о 21 ст., они забыли и о 542 ст. Уст. Уг. Суд., по которой опредѣленія о прекращеніи преслѣдованія, на основаніи недостаточности данныхъ фактической изобличаемости, могутъ быть отмѣняемы самою обвинительною камерою въ случаѣ обнаруженія новыхъ обстоятельствъ изобличающихъ заподозрѣннаго. Оказывается такимъ образомъ, что только та теорія преданія суду, которая преподана законодателемъ, и является истинною охранительницею и общественнаго порядка, и личной свободы, и интересовъ уголовного преслѣдованія, входящихъ въ понятіе о высшихъ задачахъ и интересахъ правосудія.

Установленіе основной точки зрѣнія на дѣятельность преданія суду, на основаніи начала фактической изобличаемости, не можетъ не служить точкою отправленія дѣятельности преданія суду и на основаніи начала юридической возможности преслѣдованія.

Актъ преданія суду есть результатъ положительнаго разрѣшенія вопросовъ фактической изобличаемости и юридической возможности преслѣдованія. Поэтому по скольку область юридической возможности преслѣдованія является элементомъ дѣятельности преданія суду, по стольку эта область, независимо своихъ особенныхъ свойствъ, выдѣляющихъ ее при области фактической изобличаемости, подчиняется общимъ требованіямъ назначенія и задачи обряда преданія суду.

Руководствуясь этимъ соображеніемъ, при изложеніи ученія закона и практики о преданіи суду на основаніи начала юридической возможности преслѣдованія, мы уже

не будемъ возвращаться къ общимъ положеніямъ, а исключительно остановимся на разсмотрѣніи самого начала юридической возможности преслѣдованія и примѣненія его къ одному изъ важнѣйшихъ условій юридической невозможности преслѣдованія, указанному въ 3 п. 92 ст. Улож.

II.

По основному началу уголовного преслѣдованія вообще,—осуществленіе его, какъ выше нами указано, возможно только при наличности *законныхъ и достаточныхъ оснований*. Что касается до достаточныхъ оснований къ преслѣдованію, то они, какъ мы видѣли, заключаются въ фактической изобличаемости заподозрѣннаго. Установленіе этихъ оснований, собственно въ сферѣ дѣятельности преданія суду, есть продуктъ «добросовѣстныхъ изысканій и зрѣлаго соображенія» всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Законныя же основанія суть тѣ закономъ предустановленныя условія, безъ наличности коихъ никакое преслѣдованіе не можетъ имѣть мѣста, несмотря на наличность данныхъ фактической изобличаемости. Такимъ образомъ законныя основанія суть условія юридической возможности преслѣдованія. Преслѣдованіе почитается юридически возможнымъ вообще только тогда, когда оно не воспрещено закономъ. Наличность этого послѣдняго условія признается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не подходятъ подъ опредѣленія закона, воспрещающія преслѣдованіе. На основаніи начала юридической невозможности, преслѣдованіе не можетъ имѣть мѣста, несмотря на наличность данныхъ фактической изобличаемости, по закону въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) по непреступности дѣянія, 2) по малолѣтству въ такомъ возрастѣ, когда виновный не могъ имѣть понятія о свойствѣ дѣянія, 3) по причинѣ безумія, сумасшествія и припадковъ болѣзни, приводящихъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, 4) по причинѣ ошибки случайной или вслѣд-

ствіе обмана, 5) по причинѣ принужденія отъ происходящей, непреодолимой силы, 6) въ состояніи необходимой обороны, 7) по причинѣ потери умственныхъ способностей и разсудка отъ старости или дряхлости, 8) по причинѣ лунатизма (во время припадка) и 9) глухонѣмоты природной или пріобрѣтенной съ дѣтскаго возраста. Всѣ эти условія установлены 92, 97 и 98 ст. Улож. о нак. Кромѣ сего по ст. 16 и 542 Уст. Уг. Суд. уголовное преслѣдованіе не можетъ имѣть мѣста: 1) за смертію обвиняемаго, 2) за истеченіемъ давности, 3) за примиреніемъ, 4) за Высочайшимъ указомъ и общимъ манифестомъ, 5) за неимѣніемъ частной жалобы по дѣламъ производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія и 6) за неразрѣшеніемъ гражданскимъ или духовнымъ судомъ вопросовъ, обусловливающихъ уголовное преслѣдованіе.

Останаавливаясь на разсмотрѣніи этихъ условій юридической невозможности преслѣдованія, оказывается, что нѣкоторыя изъ нихъ и, прежде всего, тѣ, кои перечислены въ ст. 16 и 542 Уст. Уг. Суд., какъ напр. смерть обвиняемаго, давность и т. д., по свойству своему, таковы, что не только не допускаютъ продолженія преслѣдованія, если оно возбуждено, но не допускаютъ даже самое возбужденіе преслѣдованія, если только имѣются въ виду до начатія производства. Обусловливая собою неизбежное прекращеніе преслѣдованія, если оно возбуждено, во всякомъ положеніи дѣла, являясь совершенно независимыми отъ требованія о полнотѣ и законченности производства по дѣлу, указанные условія юридической невозможности преслѣдованія не составляютъ предмета исключительнаго вѣдѣнія обвинительной камеры, какъ органа преданія, призваннаго для осуществленія своей дѣятельности только по слѣдствіямъ законченнымъ. Такимъ образомъ, на основаніи условій, исчисленныхъ въ 16 и 542 ст. Уст. Уг. Суд., преслѣдованіе можетъ быть прекращено и Окружнымъ Судомъ, независимо отъ рода дѣла, если только обнаруженіе какого-либо изъ этихъ условій послѣдовало до окончанія предварительнаго слѣд-

ствія и до вступленія его въ обвинительную камеру, такъ какъ для разрѣшенія вопроса о прекращеніи преслѣдованія, на основаніи этихъ условій, достаточно одного утвержденія наличности какого-либо изъ нихъ, безъ всякаго обсужденія всѣхъ другихъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ.

Такая дѣятельность, конечно, нуждается въ авторитетѣ судебной власти; но она не имѣетъ ничего общаго съ спеціальнымъ назначеніемъ обвинительной камеры, какъ камеры преданія суду. Въ этомъ смыслѣ преподавъ свое разъясненіе и Прав. Сенатъ, назвавъ рассматриваемыя условія юридической невозможности преслѣдованія *законными причинами, погашающими преслѣдованіе*. По разъясненію Прав. Сената Окружному суду, независимо отъ рода дѣла, на основаніи этихъ причинъ предоставлено прекращать преслѣдованіе въ порядкѣ 277 ст. Уст. Уг. Суд. (К. Р. 68 и 71 г. № 745). Къ числу такихъ же законныхъ причинъ, погашающихъ уголовное преслѣдованіе во всякомъ положеніи дѣла, Прав. Сенатъ отнесъ и необнаруженіе въ дѣяніи, составляющемъ предметъ дѣла, признаковъ преступленія. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Прав. Сената о томъ, что непреступность дѣянія (1 п. 92 ст. Улож.) должна быть отнесена къ числу такихъ условій юридической невозможности преслѣдованія, утвержденіе коихъ также не нуждается въ непремѣнномъ участіи обвинительной камеры, такъ какъ предполагаемое преступнымъ дѣяніе, составляющее предметъ изслѣдованія, при самомъ началѣ производства, можетъ оказаться совершенно невиннымъ, а потому ни въ продолженіи, ни въ заключеніи предварительнаго слѣдствія никакой надобности представиться не можетъ (277, 476, 478 и 249 ст. Уст. Уг. Суд.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не обратить вниманія, что, обсуждая общій вопросъ о силѣ и значеніи *законныхъ* причинъ, погашающихъ преслѣдованіе, отнеся къ числу такихъ причинъ и непреступность дѣянія, указанную въ 1 п. 92 ст. Улож., Прав. Сенатъ совершенно упустилъ изъ вида малолѣтство преступника (2 п. 92 ст.

Улож.). А между тѣмъ опредѣляемое по возрасту (94 ст. Улож.), не наказуемое малолѣтство, точно такъ же какъ и всякія другія законныя причины, при одной своей наличности безусловно погашаетъ преслѣдованіе, нуждаясь для своего признанія только въ метрической справкѣ о лѣтахъ обвиняемаго. Впрочемъ практика, сколько извѣстно, давно восполнила эту неполноту ученія Прав. Сената о законныхъ причинахъ, погашающихъ уголовное преслѣдованіе. За практикою пошелъ и Прав. Сенатъ, признавъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ рѣшеній малолѣтство также законною причиною прекращенія преслѣдованія (К. Р. 71 г. № 564).

Сводя къ итогу всѣ, такъ называемыя, *законныя* причины прекращенія преслѣдованія, мы получимъ довольно значительную сумму. Оказывается, что къ числу такихъ *законныхъ* причинъ относятся не только всѣ тѣ условія юридической невозможности преслѣдованія, которыя исчислены въ ст. 16 и 542 Уст. Уг. Суд., но и тѣ, кои исчислены въ 1 и 2 п. 92 ст. Улож. Тѣмъ не менѣе у насъ остается также довольно значительное количество другихъ условій юридической невозможности преслѣдованія, не отнесенныхъ къ числу, такъ называемыхъ, *законныхъ* причинъ. Такія условія исчислены въ 3, 4, 5 и 6 п. 92, 97 и 98 ст. Улож.

Остановливаясь на разсмотрѣніи этихъ условій собственно со стороны только одного ихъ отличія отъ законныхъ причинъ прекращенія преслѣдованія, нельзя не замѣтить, что хотя по юридическому значенію своему условія сіи влекутъ за собою только освобожденіе отъ наказанія, но въ существѣ они точно также какъ законныя причины должны разсматриваться въ видѣ условій юридической невозможности преслѣдованія, ибо уголовное преслѣдованіе допустимо только тогда, когда оно можетъ повлечь за собою примѣненіе уголовного закона. Въ этомъ очевидно, заключается не различіе, а сходство. Различіе же разсматриваемыхъ условій отъ законныхъ причинъ заключается, прежде всего, въ томъ отношеніи

ихъ, которое они имѣютъ ко всему содержанію предварительнаго слѣдствія.

Законныя причины, какъ мы видѣли, стоятъ въ совершенно независимомъ положеніи, болѣе изолированномъ ко всему объему содержанія предварительнаго слѣдствія. Напротивъ, — вся сущность разсматриваемыхъ условій юридической невозможности преслѣдованія въ томъ и заключается, что они, со стороны своей дѣйствительности, опираются на всю совокупность данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, а потому и стоятъ въ непосредственной связи съ полнотою и законченностью производства предварительнаго слѣдствія. Такое отношеніе разсматриваемыхъ условій ко всей совокупности данныхъ предварительнаго слѣдствія дѣлаетъ изъ нихъ самихъ предметъ изслѣдованія развивающагося вмѣстѣ съ развитіемъ всего содержанія предварительнаго слѣдствія и потому подчиненнаго тѣмъ же общимъ правиламъ полноты и законченности. Очевидно, что такое свойство разсматриваемыхъ условій юридической невозможности преслѣдованія не можетъ не выдѣлять ихъ изъ группы, такъ называемыхъ, законныхъ причинъ прекращенія преслѣдованія, нуждающихся для своего удостовѣренія въ большинствѣ случаевъ въ одной только справочной дѣятельности.

Съ установленіемъ этой существенной черты отличія разсматриваемыхъ условій юридической невозможности преслѣдованія отъ такъ называемыхъ законныхъ причинъ сами собою устанавлиются и особыя требованія компетентности учрежденія, отъ коего зависитъ обсужденіе и утвержденіе этихъ условій.

Опираясь на основныя начала назначенія обвинительной камеры, какъ органа преданія суду, имѣя въ виду, что актъ преданія суду есть верховное утвержденіе наличности законныхъ и достаточныхъ основаній къ уголовному передъ судомъ преслѣдованію, исходящее только отъ обвинительной камеры, что наличность условій юридической невозможности преслѣдованія и есть отсутствіе

законныхъ основаній къ преслѣдованію, а потому и должно влечь за собою прекращеніе преслѣдованія, что обсужденіе дѣйствительности разсматриваемыхъ условій юридической невозможности преслѣдованія находится въ неразрывной связи со всею совокупностью данныхъ предварительнаго слѣдствія, подлежащихъ разсмотрѣнію только обвинительной камеры въ качествѣ верховнаго органа преданія суду, нельзя, кажется, не признать, что единственною компетентною властью для обсужденія разсматриваемыхъ условій юридической невозможности преслѣдованія—является Судебная Палата въ качествѣ органа преданія суду. И въ самомъ дѣлѣ. Всѣ разсматриваемыя условія суть условія невмѣняемости.

Какъ преступность дѣянія, составляющаго предметъ дѣла, есть необходимое условіе юридической возможности преслѣдованія, такое же значеніе имѣетъ и вмѣняемость; какъ юридически невозможно преданіе суду за дѣяніе, не заключающее въ себѣ признаковъ преступленія, такъ же невозможно преданіе суду и при наличности условій невозможности; о нихъ говорится въ ст. 92, 97 и 98 Улож. Въ виду юридической однокачественности всѣхъ этихъ условій, здѣсь не можетъ быть исключеній въ пользу тѣхъ или другихъ: или они обусловливаютъ прекращеніе преслѣдованія, или не обусловливаютъ. Прекращеніе преслѣдованія на основаніи недостаточности данныхъ фактической изобличаемости, безспорно, принадлежитъ обвинительной камерѣ. На какомъ же основаніи она можетъ быть лишена компетентности на постановленіе опредѣленій о прекращеніи преслѣдованія на основаніи данныхъ юридической невозможности преслѣдованія? Актъ прекращенія преслѣдованія есть отрицаніе наличности данныхъ, необходимыхъ для преданія суду. Для преданія же суду, на какое обвинительная камера вполне компетентна, необходима, между прочимъ, наличность законныхъ къ тому основаній.

Устанавливая обрядъ преданія суду, законъ преподалъ правило, по коему преданіе суду должно имѣть мѣсто

только тогда, когда представляется *сильное впроятіе* въ существованіи преступныхъ фактовъ и въ происхожденіи ихъ по винѣ заподозрѣннаго. Но для понятія о винѣ недостаточно одного произведенія преступныхъ фактовъ; для этого нужны условія *вмѣняемости*. Эти послѣднія условія точно также, какъ преступность дѣянія и произведеніе его заподозрѣннымъ обнаруживаются изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія. Они подвергаются изслѣдованію при производствѣ предварительнаго слѣдствія точно также какъ и всякія другія обстоятельства дѣла. Поэтому какъ въ области обсужденія фактической изобличаемости, прежде всего, подвергается обсужденіе вопросъ о степени доказанности тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, такой же точно логическій пріемъ долженъ быть употребленъ и въ области обсужденія условій *вмѣняемости*. Такимъ образомъ не только по своему юридическому значенію разсматриваемыя условія непременно нуждаются въ своемъ утвержденіи или отрицаніи прежде постановленія опредѣленія о преданіи суду или прекращенія преслѣдованія, но и по своему свойству фактовъ предварительнаго слѣдствія, предъ судомъ мысли и изысканій обвинительной камеры они становятся въ совершенно одинаковыя условія со всѣми другими фактами дѣла.

Другой, конечно, вопросъ, какія требованія обвинительная камера должна предъявлять къ разсматриваемымъ условіямъ для признанія или отрицанія ихъ. Но отрицать самую компетентность обвинительной камеры на обсужденіе и постановленіе опредѣленій по этому предмету, значить заставлять ее разрывать недѣлимый объемъ предварительнаго слѣдствія, значить дробить также недѣлимую компетентность обвинительной камеры, какъ органа преданія суду.

Въ виду всего этого мы и рѣшаемся утверждать, что обвинительная камера есть та компетентная власть, отъ которой вполнѣ зависитъ прекращеніе преслѣдованія во всѣхъ случаяхъ, когда она не обнаружитъ *законныхъ* или

достаточныхъ основанийъ къ преданію суду. Такъ какъ наличность условій невмѣняемости влечетъ за собою юридическую ничтожность преслѣдованія, то обвинительная камера уполномочена на прекращеніе преслѣдованія и на основаніи данныхъ, исчисленныхъ въ 3, 4, 5 и 6 п. 92, 97 и 98 ст. Улож.

Ближайшее разсмотрѣніе дѣятельности практики по отношенію ко всѣмъ условіямъ юридической невозможности преслѣдованія, исчисленнымъ въ вышеприведенныхъ ст. Улож., не входитъ въ кругъ нашей задачи въ настоящемъ случаѣ. Мы остановимся на разсмотрѣніи дѣятельности практики лишь по примѣненію 3 п. 92 и 96 ст. Улож.

Но прежде всего мы должны замѣтить, что при обсужденіи указаннаго предмета намъ придется имѣть дѣло почти исключительно съ практикою Прав. Сената, такъ какъ, благодаря, такъ сказать, кассационному свойству разсматриваемыхъ условій, вопросъ примѣненія 3 п. 92 ст. Улож. разрѣшался практикою обвинительной камеры подъ верховнымъ надзоромъ и руководствомъ Прав. Сената.

По разсматриваемому предмету Прав. Сенатъ создалъ цѣлое ученіе, которое и перешло въ практику обвинительной камеры.

Сущность ученія Прав. Сената, со всею полнотою и подробностью развитого имъ въ рѣшеніи за 1871 г. подъ № 990, заключается въ томъ, что за обвинительною камерою признается компетентность на прекращеніе преслѣдованія только въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые въ установленномъ порядкѣ будутъ признаны *безумными* или *сумасшедшими*, припадки же болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, изъяты изъ компетентности обвинительной камеры, которая, не смотря на признаніе ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ, при наличности данныхъ фактической изобличаемости, обязана предавать суду.

Что же касается до практики обвинительной камеры, то она, усвоивъ это ученію «къ исполненію», допустила только «нѣкоторое» расширеніе смысла ученія Прав. Сената по предмету собственно ограниченія области компетентности ея.

Такъ—практика въ большинствѣ случаевъ истолковываетъ ученіе Прав. Сената въ томъ смыслѣ, что преданіе суду не можетъ имѣть мѣста только тогда, когда обвиняемые и въ моментъ разсмотрѣнія дѣла въ обвинительной камерѣ остаются сумасшедшими; если же къ этому времени они оказываются выздоровѣвшими, то они предаются суду. Такимъ образомъ практика компетентность обвинительной камеры обсуждаетъ не по отношенію къ условіямъ юридической невозможности преслѣдованія, вслѣдствіе совершенія преступленія въ состояніи невмѣняемости, а по практической невозможности производства судебного разсмотрѣнія дѣла, вслѣдствіе безумія или сумасшествія обвиняемыхъ.

Намъ кажется, что, если такое изъясненіе разсматриваемаго ученія Прав. Сената и не согласуется съ дѣйствительнымъ его смысломъ, то оно вполнѣ заслуживаетъ вниманія уже потому, что приписываетъ послѣдовательность Прав. Сенату тамъ, гдѣ ее въ дѣйствительности не существуетъ.

И въ самомъ дѣлѣ. Выше мы видѣли, что ни тождественность юридическаго значенія разсматриваемыхъ условій невмѣняемости, какъ условій юридической невозможности преслѣдованія, ни свойство ихъ, какъ фактовъ предварительнаго слѣдствія, подлежащаго разсмотрѣнію обвинительной камеры во всемъ своемъ объемѣ, для разрѣшенія вопроса о наличности законныхъ и достаточныхъ основаній къ преслѣдованію (преданію суду) не допускаютъ никакихъ дробленій компетентности обвинительной камеры. Въ виду указаннаго значенія и свойства условій невмѣняемости, исчисленныхъ въ 3 п. 92 ст. Улож., могутъ быть только два противоположныя рѣшенія: или всѣ они подлежатъ обсужденію суда, разсматривающаго дѣло по

существо или они подлежат обсужденію обвинительной камеры при разрѣшеніи вопроса о преданіи суду. Правительств. Сенатъ, тѣмъ не менѣе, безуміе и сумасшествіе отнесъ къ области компетентности обвинительной камеры, припадки же болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, изъялъ изъ этой компетентности. Явная непоследовательность. Практика и установила такой способъ исполненія этого ученія, который вполне устраняетъ непоследовательность его. Правда, — эта последовательность куплена весьма дорогою цѣною, цѣною исключенія цѣлой группы условій невмѣняемости изъ числа условій юридической невозможности преслѣдованія; но въ этомъ виновата не практика, а обязательное для руководства ученіе.

Непосредственно послѣ этихъ замѣчаній намъ слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется указанное ученіе Правительствующаго Сената; но, для полноты очерка, мы считаемъ нелишнимъ указать предварительно, что рассматриваемое ученіе создано не вдругъ; ему предшествовалъ цѣлый рядъ изысканій, въ которыхъ легко усмотрѣть колебанія Правит. Сената даже въ пользу безусловнаго признанія компетентности обвинительной камеры въ области обсужденія всѣхъ исчисленныхъ въ 3 п. 92 ст. Улож. условій невмѣняемости.

Такъ, — въ рѣшеніи по дѣлу Протопопова, обвинявшагося въ оскорбленіи дѣйствіемъ своего начальника и признаннаго присяжными засѣдателями совершившимъ преступленіе въ припадкѣ болѣзни, который привелъ его въ умоизступленіе и совершенное безпамятство, Правит. Сенатъ высказалъ свое полное неодобреніе тому, что Протопоповъ не былъ освидѣтельствованъ при производствѣ слѣдствія, въ порядкѣ 353—355 ст. Уст. Уг. Суд. Такъ какъ въ этихъ законоположеніяхъ установленъ порядокъ, которымъ обвинительная власть должна удостовѣриться въ разстройствѣ умственныхъ способностей подсудимаго для опредѣленія того, *подлежитъ ли подсудимый судебному*

преслѣдованію или еще дальнѣйшее изслѣдованіе его преступленія слѣдуетъ прекратить въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 356 Уст. Уг. Суд.» (К. Р. 1867 г. № 204).

Какъ видно изъ приведеннаго мѣста рѣшенія, Прав. Сенатъ, говоря о припадкахъ болѣзни приводящихъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, прямо отнесъ ихъ къ разряду случаевъ разстройства умственныхъ способностей обвиняемыхъ вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ Прав. Сенатъ призналъ, что порядокъ, установленный въ 353—355 ст. Уст. Уг. Суд. для изслѣдованія разстройства умственныхъ способностей, имѣетъ своею конечною цѣлью дать обвинительной власти матеріалъ и основанія для сужденія о томъ, подлежитъ или не подлежитъ обвиняемый уголовному преслѣдованію (317 ст. Уст. Уг. Суд.)

Такимъ образомъ, приведеннымъ рѣшеніемъ, и притомъ выраженнымъ въ общихъ положеніяхъ, установленъ такой взглядъ, который прямо соотвѣтствуетъ тому юридическому значенію условій невмѣняемости, исчисленныхъ въ 3 п. 92 ст. Улож., по коему они, вполнѣ однокачественно, служатъ основаніемъ юридической невозможности преслѣдованія, а посему подчиняются и одному и тому-же порядку изслѣдованія, установленному 353—355 ст. Уст. Уг. Суд.

Такъ понималъ Правит. Сенатъ разсматриваемый вопросъ въ 1867 году.

Въ 1871 году, какъ мы видѣли, Прав. Сенатъ рѣшительно отступилъ отъ прежняго мнѣнія. Этого послѣдняго мнѣнія Прав. Сенатъ держится и до сихъ поръ.

Исключая припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство изъ числа тѣхъ условій юридической невозможности преслѣдованія, наличность коихъ обуславливаетъ невозможность самаго преданія суду, а не одного только освобожденія отъ наказанія, Прав. Сенатъ для этого принялъ два основанія: одно лежащее въ тѣхъ средствахъ изслѣдованія разсматриваемыхъ условій, коими располагаетъ предваритель-

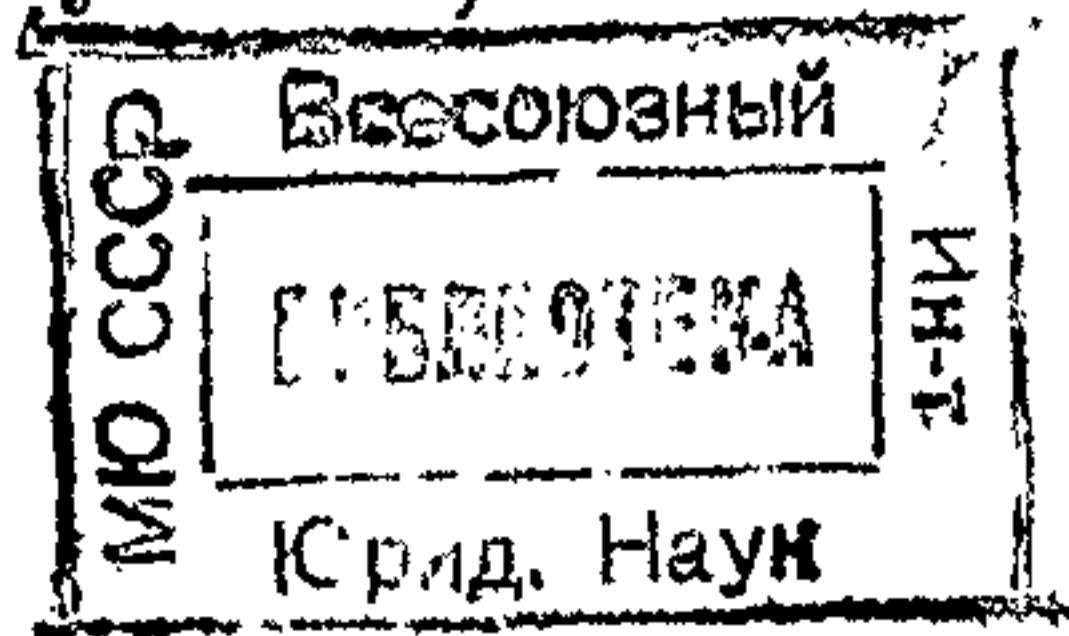
ное слѣдствіе вообще и въ частности порядокъ изслѣдованія установленный 353—355 ст. Уст. Уг. Суд, а другое заключающееся въ особыхъ свойствахъ припадковъ болѣзни, приводящихъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, вслѣдствіе коихъ самъ законъ для признанія наличности ихъ будто бы требуетъ особой доказанности, превышающей средства, коими располагаетъ предварительное слѣдствіе и порядокъ освидѣтельствованія, установленный 353—355 ст. Уст. Уг. Суд.

Разсмотримъ эти основанія.

На основаніи 356 ст. Уст. У. Суд. уголовное преслѣдованіе можетъ быть превращено обвинительною камерою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по освидѣтельствованіи обвиняемаго обнаружится, что онъ страдаетъ безуміемъ или сумасшествіемъ.

Правительствующій Сенатъ, исходя изъ буквального смысла этого закона, говорящаго лишь о безуміи и сумасшествіи, призналъ, что обнаруженіе на предварительномъ слѣдствіи признаковъ только этихъ условій невмѣняемости требуетъ примѣненія порядка въ 353—355 ст. Уст. У. Суд. устанавлиаемаго, *«дабы власть предающая суду могла прекратить дѣло, не предавая суду»* (1871 г. № 990).

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что порядокъ изслѣдованія, установленный 353—355 ст., есть порядокъ совершенно особый. Особенность этого порядка, выдѣляющая его изъ общихъ правилъ производства предварительнаго слѣдствія, заключается, прежде всего, въ томъ, что онъ осуществляется при участіи Окружнаго Суда, а не Судебнаго Слѣдователя, какъ ординарнаго органа производства предварительнаго слѣдствія. Затѣмъ рассматриваемый порядокъ является какъ бы второю инстанціею въ области производства предварительнаго слѣдствія, такъ какъ ему предшествуетъ освидѣтельствованіе обвиняемаго чрезъ судебного врача и при участіи Судебнаго Слѣдователя, при чемъ производство вступаетъ въ Окружный Судъ только при томъ условіи, если

при освидѣтельствovanіи чрезъ судебного врача обнаружены будутъ признаки безумія или сумасшествія. Далѣе,—дѣло вступаетъ въ судъ съ заключеніемъ прокурорскаго надзора; самое же освидѣтельствованіе производится при непремѣнномъ участіи трехъ врачей, изъ коихъ одинъ инспекторъ или членъ врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія.

Изъ указанія на одни эти внѣшніе признаки со всею ясностью обнаруживается, что рассматриваемому порядку изслѣдованія должна принадлежать совершенно особая роль и назначеніе, какъ по предмету изслѣдованія, такъ и по конечной цѣли, ради которой осуществляется эта сложная процедура. Конечная цѣль этой процедуры указана закономъ въ вышеприведенной 356 ст. Но для того, чтобы «власть предающая суду» могла сдѣлать правильное заключеніе о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго и правильно примѣнить 356 ст., безъ сомнѣнія, нужно имѣть самыя полныя свѣдѣнія и данныя. Для достиженія этой полноты данныхъ и свѣдѣній, очевидно, и установленъ рассматриваемый порядокъ.—И дѣйствительно, самый предметъ изслѣдованія, по свойству своему, требуетъ особыхъ специальныхъ познаній и научной аргументаціи по отношенію къ тѣмъ явленіямъ умственной сферы обвиняемаго, изученіе и объясненіе коихъ составляетъ основу для конечныхъ выводовъ. Несмотря, однако, на такую специальность изслѣдуемаго предмета, законъ какъ разъяснилъ тамъ же Прав. Сенатъ въ рѣшеніи по общ. собр. Д-товъ 20 декабря 1873 г., не предоставилъ врачамъ рѣшающаго голоса. Присутствію суда вмѣняется не только участвовать въ изслѣдованіи, но и постановлять свое опредѣленіе о согласіи или несогласіи съ заключеніемъ врачей.

Такимъ образомъ при производствѣ освидѣтельствованія въ порядкѣ 355 ст. отношеніе заключенія врачей къ суду такое-же, какое оно имѣетъ при судебномъ разсмотрѣніи дѣла при участіи врачей-экспертовъ къ суду, напр. присяжныхъ засѣдателей. Какъ при судебномъ

производствѣ, сила и значеніе экспертизы опредѣляется ея внутреннимъ достоинствомъ, силою аргументаціи и результатами повѣрки ея личнымъ наблюденіемъ, такъ же и при производствѣ освидѣтельствованія въ порядкѣ 355 ст. Уст. У. Суд. Разница же заключается въ томъ, что экспертиза врачей, при производствѣ освидѣтельствования по 355 ст., обсуждается судебнымъ присутствіемъ коронныхъ судей, участвующихъ во всѣхъ подробностяхъ изслѣдованія, нестѣсненного ни публичностью, ни какими-либо особыми формальностями; при судебномъ же засѣданіи экспертиза обсуждается, и при томъ окончательно, въ видѣ готоваго результата прежде произведеннаго изслѣдованія и не судомъ коронныхъ судей (большею частію), а представителями общественной совѣсти, за коими не предполагается никакихъ спеціальныхъ свѣдѣній ни въ области правовѣдѣнія, ни въ области судебной психіатріи. Но разница на этомъ не останавливается. Опредѣленіе Судебнаго присутствія, постановленнаго въ порядкѣ 355 ст., въ отношеніи дѣлъ наиболѣе важныхъ (356 и 523 ст.) не есть окончательное; оно вносится съ заключеніемъ Прокурорскаго надзора на разсмотрѣніе обвинительной камеры, которая вновь входитъ въ обсужденіе достоинства врачебнаго заключенія и опредѣленія суда и только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія всей полноты данныхъ утверждаетъ или отмѣняетъ опредѣленіе суда.

Нельзя кажется не признать, что указанная процедура, вполне соотвѣтствуя и свойству предмета изслѣдованія и важности конечной цѣли его, имѣетъ за себя весьма многое, чтобы добытые ею выводы и заключенія носили въ себѣ условія необходимыя для ихъ основательности и правильности.

Результаты научнаго изслѣдованія, выражаемые въ заключеніи врачей по предмету изслѣдованія психической сферы обвиняемаго для правильнаго пониманія ихъ, а тѣмъ болѣе для оцѣнки, нуждаются въ такихъ судьяхъ, которые способны возвыситься до уровня пониманія

научныхъ положеній и выводовъ. Отказать же въ такой способности короннымъ судьямъ двухъ инстанцій (Окр. Судъ и Обвинительная камера) безъ сомнѣнія нельзя. А между тѣмъ и самое изслѣдованіе, въ порядкѣ 355 ст., производится совокупными усиліями такихъ представителей медицинскаго знанія, коимъ въ силу закона ввѣряются тысячи жизней. За рѣдкими исключеніями, имъ же предоставляется предъявлять свои заключенія и при судебномъ разсмотрѣніи дѣла. Само собою разумѣется, что научныя мнѣнія не могутъ измѣняться только отъ того, гдѣ они излагаются: въ судѣ ли, засѣдающемъ на основаніи 355 ст., или въ судѣ присяжныхъ засѣдателей.

На основаніи изложеннаго мы считаемъ себя въ правѣ утверждать также и то, что процедура освидѣтельствованія обвиняемыхъ, въ порядкѣ 355 ст., какъ по внутреннему своему значенію, такъ и по юридическимъ послѣдствіямъ съ нею сопряженнымъ (356 ст.), прямо рассчитана законодателемъ на предоставленіе возможности пріобрѣтенія самыхъ полныхъ данныхъ, могущихъ обусловить *доказанность* или *недоказанность* какъ самаго разстройства умственныхъ способностей обвиняемаго, такъ и характера и свойства сего разстройства. Правит. Сенатъ, повидимому, не подвергалъ ближайшему обсужденію существо процедуры установленной 353—354 ст., ибо отнеся, такъ сказать, къ вѣдомству этой процедуры только безуміе и сумасшествіе, онъ дѣлаетъ это только потому что эти формы психическаго разстройства по самому свойству своему представляются будто очевидными. Для того же чтобы служить основаніемъ для прекращенія преслѣдованія, они нуждаются только въ признаніи ихъ установленнымъ порядкомъ т. е. порядкомъ въ ст. 353—355 указаннымъ. Такимъ образомъ по мнѣнію Прав. Сената означенный порядокъ есть не болѣе какъ актъ простой легитимациі обстоятельства вполне очевиднаго (К. Р. 69 г. № 877), а не процессъ изслѣдованія.

Несостоятельность такого мнѣнія Прав. Сената едва ли не явствуетъ сама собою изъ тѣхъ указаній, которыя мы только-что сдѣлали относительно существа процедуры установленной въ ст. 353—356 Уст. Уг. Суд. Здѣсь мы прибавимъ только, что съ принятіемъ мнѣнія Правит. Сената, пришлось бы признать такую ограничиваемость распоряженія законодателя органами слѣдствія, и суда, которая не оправдывается никакими соображеніями. Установленіе сложной процедуры опредѣленной въ 353—356 ст. могло быть обусловлено не очевидностью предмета, подвѣдомственнаго этой процедурѣ, а скорѣе крайней затруднительностью признанія въ каждомъ случаѣ состоянія разстройства психической сферы обвиняемаго безъ соблюденія сложной процедуры изученія и изслѣдованія.

Ошибочное непризнаніе за порядкомъ установленнымъ въ ст. 353—356 значенія процесса всесторонняго изслѣдованія и повело Прав. Сенатъ къ столь же ошибочному исключенію изъ числа условій невмѣняемости, не допускающихъ преданія суду, припадковъ болѣзни, приводящихъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство.

Правда, на сторонѣ Прав. Сената стоитъ буквальный смыслъ закона, говорящаго только о безуміи и сумасшествіи, какъ о такихъ причинахъ, наличность коихъ обуславливаетъ возможность прекращенія преслѣдованія на основ. 356 ст. Уст. Уг. Суд.

Но дѣло въ томъ, что по закону наряду съ безуміемъ и сумасшествіемъ, какъ условіями невмѣняемости, стоятъ и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе и совершенное безпамятство. Эти припадки, проявляясь въ области психической сферы обвиняемаго, въ этомъ отношеніи совершенно однокачественны съ безуміемъ и сумасшествіемъ, требующими изслѣдованія чрезъ органовъ спеціальнаго знанія. Спрашивается—почему же эти припадки и не могутъ быть столь-же всесторонне доказаны порядкомъ въ ст. 353—355 установленнымъ, какъ безуміе и сумасшествіе? Правит. Сенатъ находитъ, что порядокъ

освидѣтельствѣванія установленный въ ст. 353—355 не въ состояніи дать той полноты данныхъ, какую представляетъ судебное разсмотрѣніе. Но мы видѣли, что такое мнѣніе Прав. Сената основано лишь на недоразумѣніи, ибо судебное разсмотрѣніе дѣла и судебное изслѣдованіе вопроса о припадкахъ болѣзни, приводящихъ въ умоизступленіе и безпамятство, не представляетъ особыхъ гарантій правильности во всемъ томъ, что относится къ области спеціальнаго изслѣдованія.

Что же кажется до буквального смысла закона, то при ближайшемъ его разсмотрѣніи оказывается, что и онъ нисколько не стѣсняетъ возможности подчиненія полному вѣдомству порядка въ ст. 353—356 установленного и припадковъ болѣзни приводящихъ въ умоизступленіе и безпамятство. Безспорно, что безуміе и сумашествіе признаются закономъ за условія невмѣняемости не какъ извѣстныя формы болѣзни подсудимаго, какъ явленія ненормальности фізіологической жизни человѣка, а исключительно какъ признаки отсутствія наружной и свободной воли виновника преступленія, какъ условія невмѣняемости. Сумашествіе, какъ явленіе ненормальности психической сферы обвиняемаго, есть понятіе весьма обширное; имъ объемлются самыя разнообразныя формы проявленія болѣзненности психической сферы. Поэтому съ точки зрѣнія психіатріи,—явленіе совершеннаго безпамятства или умоизступленія, какъ продуктъ болѣзненнаго состоянія психической сферы человѣка, есть также сумасшествіе. Такимъ образомъ, если въ понятіе сумасшествія входятъ и явленія припадковъ болѣзни, приводящей въ умоизступленіе и безпамятство, если съ точки зрѣнія закона важна не та или другая форма психическаго разстройства, а наличность психической болѣзни, устраняющей участіе разумной и свободной воли виновника преступленія, то подъ выраженіемъ закона, изображеннаго въ 356 ст., мы не можемъ подразумѣвать ничего иного кромѣ выраженія общаго понятія о сумасшествіи, какъ общемъ условіи невмѣняемости, обнима-

ющемъ собою всѣ отдѣльные виды сихъ условій, исчисленные въ 3 п. 92 и 97 ст. Улож.

Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію другаго основанія, принятаго Прав. Сенатомъ для изъятія припадковъ болѣзни, приводящихъ въ умоизступленіе и совершенное безпамятство изъ общаго порядка изслѣдованія, установленнаго для безумныхъ и сумасшедшихъ, оказывается, что для невмѣненія на основаніи разсматриваемой причины законъ дѣйствительно требуетъ, чтобы она была точно доказана (ст. 96). Изъ этого *со всею ясностью*, по мнѣнію Прав. Сената, и обнаруживается, что освобожденіе отъ отвѣтственности на основаніи этой причины можетъ послѣдовать лишь по судебному приговору, «въ томъ же положеніи, въ которомъ дѣло находится въ обвинительной камерѣ, въ виду ея могутъ быть «только формальныя улики, сила коихъ еще не выяснена «и которыя, въ этомъ періодѣ судопроизводства, имѣютъ «значеніе неразработаннаго матеріала, необходимаго «лишь для разрѣшенія вопроса о томъ, есть ли достаточныя основанія къ преданію суду».

«Для преданія суду, говоритъ далѣе Прав. Сенатъ, «достаточно только вѣроятности вины, т. е. достаточно «фактовъ, заставляющихъ предполагать виновность. Изъ «этого слѣдуетъ, что *когда невмѣняемость не очевидна (?)*, «вопросъ этотъ не подлежитъ разрѣшенію обвиняющаго «учрежденія, а долженъ быть предоставленъ судебному «приговору».

Если мы хотя на минуту остановимся на разсмотрѣніи этихъ соображеній Прав. Сената, то, прежде всего, насъ не можетъ не удивить то смѣшеніе понятій, которое допущено въ приведенномъ разсужденіи. Такъ,—Прав. Сенатъ, говоря о невмѣняемости на основаніи припадковъ болѣзни приводящей въ умоизступленіе и безпамятство, основанія для исключенія ихъ изъ вѣдомства обвиняющаго учрежденія почерпаетъ не въ самомъ ихъ свойствѣ и юридическомъ значеніи, а въ задачахъ дѣятельности обвинительной камеры при обсужденіи данныхъ факти-

ческой изобличаемости. Никто конечно не спорить, что для преданія суду на основаніи данныхъ фактической изобличаемости требуется наличность уликъ формальныхъ, какъ выразился Прав. Сенатъ, дающихъ основаніе къ заключенію о вѣроятности вины. Но развѣ условія невмѣняемости, о коихъ идетъ рѣчь, выясняются на основаніи уликъ? Извѣстно, что условія невмѣняемости, составляющія предметъ нашего разсмотрѣнія, выясняются путемъ научнаго изслѣдованія; для заключенія о наличности или отсутствіи этихъ условій фактическая сторона дѣла является лишь подкладкою, которая дѣйстви-тельно и обсуждается по началу вѣроятности. Но цѣлое научное положеніе, построенное на данныхъ дѣла и изслѣдованіи обвиняемаго въ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть выражено столь опредѣлительно и точно, что не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ своей правильности, къ какой-бы формѣ психическаго разстройства ни относилось. Это-то положеніе и есть тотъ особый предметъ обсужденія обвиняющаго учрежденія при разрѣшеніи вопроса о наличности законныхъ основаній къ преслѣдованію, который, очевидно, составляетъ нѣчто иное, чѣмъ фактическая изобличаемость, обсуждаемая по уликамъ. Такимъ образомъ здѣсь уже идетъ рѣчь главнымъ образомъ вовсе не о вѣроятности вины въ смыслѣ фактической изобличаемости, вовсе не о неразработанномъ матеріалѣ, представляемомъ формальными уликами, а о достоинствѣ и истинности научнаго мнѣнія, которое является результатомъ изслѣдованія полнаго, а не поверхностнаго, такъ какъ научныя положенія, по самому свойству своему, требуютъ полноты и всесторонности. Вотъ почему и не представляется возможности согласиться съ Прав. Сенатомъ въ томъ, что при обсужденіи условій невмѣняемости, о коихъ идетъ рѣчь, предварительное слѣдствіе представляло такой же неразработанный матеріалъ, какой оно представляетъ по отношенію вопросовъ фактической изобличаемости. Допускаемая такое положеніе, Прав. Сенатъ самъ становится въ

противорѣчіе, допуская возможность *очевидности* въ данныхъ предварительнаго слѣдствія, по отношенію также къ невмѣняемости, при наличности состоянія безумія или сумасшествія. Между тѣмъ при томъ порядкѣ изслѣдованія, который установленъ въ ст. 353—355, если достиженіе *очевидности* возможно вообще, то оно одинаково возможно и для припадковъ болѣзни, приводящей въ умоизступленіе и совершенное безпамятство.

Но независимо отъ этого Прав. Сенатъ совершенно ошибочно приписалъ законодателю требованіе объ особой доказанности только въ отношеніи припадковъ болѣзни, приводящей въ умоизступленіе и совершенное безпамятство, вслѣдствіе чего законъ будто бы и изъялъ это условіе невмѣняемости изъ вѣдѣнія обвинительной камеры. При внимательномъ разсмотрѣніи закона оказывается, что законодателемъ установлено требованіе о *несомнѣнности* совершенія преступленія *въ состояніи полной безсознательности* и безумными сумасшедшими, а также и глухонѣмыми отъ рожденія (ст. 95 и 98 Улож.). Требованіе закона о несомнѣнности, въ указанномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть достигнуто путемъ неточной доказанности; поэтому это требованіе и должно быть признано вполне равносильнымъ требованію о точной доказанности, упоминаемомъ въ ст. 96 Улож. Вся разница изложенія законовъ, изображенныхъ въ ст. 95 и 96, найдетъ далѣе различія способа выраженія одной и тойже мысли. Какъ въ ст. 95 законъ, исходя изъ предположенія о сумасшествіи обвиняемаго, требуетъ однако несомнѣнности въ томъ, что преступленіе совершено въ состояніи полной безсознательности, такъ и въ ст. 96 законъ требуетъ точной доказанности состоянія умоизступленія или безпамятства во время совершенія преступленія больнымъ, страдающимъ этими припадками. Оказывается, такимъ образомъ, что законъ совершенно одинаково требуетъ точной доказанности всѣхъ причинъ невмѣняемости, исчисленныхъ въ 3 п. 92 ст. Улож. Откуда же Прав. Сенатъ почерпнулъ *ясное указаніе* закона

о томъ, что это требованіе относится только къ припадкамъ болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или безпамятство, мы не знаемъ.

И такъ мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что ни коренное юридическое значеніе припадковъ болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, какъ одного изъ условій юридической невозможности преслѣдованія, ни *ясныя указанія* закона, ни существо и назначеніе порядка освидѣтельствванія, установленнаго въ 353 — 355 ст. Уст. Уг. Суд. не давали Правит. Сенату никакихъ основаній къ изъятію той причины невмѣняемости изъ числа тѣхъ, на основаніи коихъ обвинительная камера уполномочена постановлять опредѣленіе о прекращеніи преслѣдованія.

Прежній взглядъ Прав. Сената, высказанный имъ по этому предмету въ 1867 году, по дѣлу Потапова, представляется намъ не ошибкой, которую надлежало бы исправить въ послѣдующихъ своихъ рѣшеніяхъ, а вполне вѣрное изъясненіе смысла закона, къ которому надлежало бы возвратиться, чтобы не сажать на скамью подсудимыхъ явно больныхъ и очевидно безответственныхъ передъ закономъ. Этого требуетъ не только прямой смыслъ закона, но и соображенія практической цѣлесообразности преслѣдованія, долженствующаго имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ можно съ вѣроятностью предвидѣть осужденіе и наказаніе обвиняемаго. Въ этомъ заключаются требованія охраненія общественнаго порядка, какъ указалъ законодатель (стр. 189 Суд. Уст. изд. госуд. канц.), въ этомъ заключается и охраненіе достоинства суда, прибавимъ мы.

К. Анциферовъ.

2 Декабря 1877 года.